

Саша Ардаша

Песок

18+

Саша Ардаша

Песок

«Автор»

2026

Ардаша С. С.

Песок / С. С. Ардаша — «Автор», 2026

Это роман в жанре альтернативной истории, где СССР получает шанс избежать экономического кризиса, сохранив сильное государство и превратившись в одну из ведущих технологических и промышленных держав мира.

© Ардаша С. С., 2026

© Автор, 2026

Саша Ардаша

Песок

Глава 1

Поезд мерно отбивал колёсами старый ритм. За окном проплывали бесконечные поля, редкие станции и осенние лесополосы. Пассажиры давно уснули. Кто-то тихо похрапывал на верхней полке, проводница закрыла дверь купе, а в вагоне стало непривычно спокойно. Я сидел у окна и смотрел в темноту. За семьдесят лет жизни чего только не было. Служба в спецназе военной разведки. Командировки, о которых не писали в газетах. Горы, пустыни, джунгли. Операции без названий и наград. Потом преподавание, пенсия, редкие встречи с бывшими сослуживцами. Последние годы я жил тихо. Иногда просыпался ночью от старых воспоминаний. Афганистан, Чечня, лица друзей, которых давно нет. Разведчик привыкает помнить всё. Это одновременно дар и проклятие. В этот раз я ехал без особой цели. Просто решил посмотреть страну ещё раз. Может быть, последний. Сердце кольнуло неожиданно. Я машинально положил ладонь на грудь. Не сейчас... пробормотал я. Боль стала сильнее. Воздуха не хватало. Попытался встать, позвать проводницу, но ноги перестали слушаться. Мир поплыл. Последнее, что я услышал, тревожный стук колёс. Потом наступила абсолютная тишина. Сознание не исчезло. Я не видел света в конце тоннеля. Не было ангелов, родственников или странных голосов. Только темнота. Потом кто-то закричал. Очнулся! Санитар! Он пришёл в себя! Я резко вдохнул. В нос ударил запах лекарств, йода и табачного дыма, вьёвшегося в одежду окружающих. Белый потолок. Крашенные стены. Металлическая кровать. Военный госпиталь. Попытался подняться. Тело слушалось слишком легко. Не так, как моё стариковское. Без боли в пояснице. Без тяжести в суставах. Я посмотрел на руки. Молодые. Крепкие. Без возрастных пятен. С длинными пальцами и свежими мозолями от автомата. Лежи, сержант, сказал врач. Контузия штука неприятная. Сержант? Я молчал. Как фамилия? Ответ возник сам собой, словно кто-то вложил его в голову. Андрей Ковалёв... И одновременно пришла чужая память. Короткими вспышками. Учебка. БМП. Пыль Кандагара. Засада. Гибель товарища. Последний бой. Дембель. Самолёт. Госпиталь. Эти воспоминания были не моими. Но теперь они жили во мне. Я осторожно закрыл глаза. Проверил дыхание. Пульс. Оценил обстановку. Старая привычка разведчика никуда не исчезла. Паника плохой советчик. Сначала информация. Потом выводы. И только после этого действия. Какой сегодня год? спокойно спросил я. Врач удивлённо посмотрел на меня. Совсем тебя приложило... Ты что, шутить вздумал? Ответьте. Восемьдесят девятый. Внутри всё замерло. Я умер в XXI веке. А теперь находился в теле двадцатилетнего демобилизованного разведчика, только что вернувшегося из Афганистана. Судьба подарила мне вторую жизнь. И на этот раз я собирался использовать каждую минуту.

Глава 2

Проснулся я ещё до подъёма. Организм сработал сам. Годы службы приучили открывать глаза за несколько минут до команды "Подъём". Я лежал неподвижно, прислушиваясь к звукам. Где-то в коридоре скрипела тележка с лекарствами. Медсестра негромко разговаривала с дежурным врачом. За окном каркали вороны.

Обычный госпиталь. Но теперь это была моя реальность. Я сел на кровати и глубоко вдохнул. Тело было молодым. Двадцать один год. Крепкие мышцы, здоровое сердце, лёгкие, не испорченные возрастом. Даже старые армейские привычки чувствовались иначе. Хотелось двигаться, бежать, работать. Но вместе с этим в голове продолжали всплывать чужие воспоминания. Сначала они были обрывками. Потом начали складываться в единую картину. Меня звали Андрей Сергеевич Ковалёв. Родился в небольшом городе под Воронежем. После школы ДОСААФ. Потом призыв. Учебка в Фергане. Разведроты. Через несколько месяцев Афганистан. Панджшер. Кунар. Саланг. Выходы в горы. Засады. Потери. Друзья, оставшиеся навсегда

молодыми. Память прежнего хозяина тела не исчезла. Она словно жила рядом с моей. Я понимал, что это не сон. Я действительно стал другим человеком. Ночью мне приснился Афганистан. Но это был не мой Афганистан. Я никогда не воевал в этих горах. Однако чувствовал каждый камень под сапогами. Слышал запах раскалённой пыли. Видел лица ребят. Ложись! Крик ударил по ушам. Молодой сержант бросился за валун, и почти одновременно рядом разорвался выстрел из гранатомёта. Меня отбросило. Перед глазами вспыхнуло белое пятно. И вдруг я понял страшную вещь. Я смотрел на всё его глазами. Это были не воспоминания. Это происходило сейчас. Это моя память... прозвучал молодой голос. Я резко обернулся. Передо мной стоял парень лет двадцати. Выцветшая "афганка", выгоревший панам, автомат за спиной. Лицо до боли знакомое. Моё нынешнее лицо. Кто ты? Он грустно усмехнулся. Я и есть Андрей. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Тогда кто я? Не знаю. Я умер? Похоже. А ты? Он пожал плечами. Наверное, тоже. Наступила тишина. Где-то далеко продолжалась стрельба. Но она становилась всё тише. Словно память постепенно растворялась. Ты не враг, сказал Андрей. И ты тоже. Он внимательно посмотрел мне в глаза. Только не забирай мою семью. Эти слова ударили сильнее любой пули. Я вспомнил мать, которая каждый день ждала сына. Отца, гордившегося им. Сестрёнку, обещавшую встретить на вокзале. Для них Андрей был единственным человеком. Они никогда не узнают, что домой вернулся уже другой. Я не смогу стать тобой полностью, тихо сказал я. И не нужно. Просто не забывай нас. Не предай друзей. Не дай матери плакать. Живи так, чтобы моя жизнь не оказалась напрасной. Я хотел ответить. Но мир начал рассыпаться. Горы исчезли. Ветер стих. Лицо Андрея медленно растворялось в темноте. Перед тем как исчезнуть окончательно, он улыбнулся. Теперь мы оба отвечаем за эту жизнь. Я проснулся в холодном поту. Палата была пустой. За окном начинался рассвет. Но теперь я чувствовал странное спокойствие. Чужие воспоминания перестали давить. Они стали частью меня. Я сохранил свои знания, опыт и характер. Но вместе с ними получил чувства, память и долг другого человека. Теперь в этой молодой груди билось одно сердце. Но в нём жили две жизни. После завтрака в палату вошёл военный врач. Полковник медицинской службы. Опытный. Лет пятьдесят. Смотрел внимательно. Ну что, сержант, память вернулась? Частично. Фамилию помнишь? Андрей Ковалёв. Отлично. Он сделал несколько записей в карточке. Через два дня комиссия. Потом домой. Дембель ты уже получил. Осталось оформить документы. Домой... Для меня это слово теперь означало совсем другое. Меня ждала семья человека, которого уже не существовало. Мать. Отец. Младшая сестра. И они даже не подозревали, что сын вернётся немного другим. Через три дня поезд медленно отходил от московского вокзала. Я стоял у окна и смотрел на удаляющийся госпиталь. В купе ехали ещё трое дембелей. Форма была новой, с аккуратно пришитыми шевронами. На верхней полке лежали одинаковые зелёные вещмешки. Разговор быстро зашёл об Афганистане. Каждый вспоминал своё. Кто-то рассказывал смешные случаи. Кто-то молчал. Настоящие ветераны редко говорят о войне. Особенно о той, которую проиграли политики. Я слушал и почти не вмешивался. В голове была совсем другая война. Я знал, что впереди. Через год к власти придёт Горбачёв. Начнётся перестройка. Потом развал экономики. Дефицит. Межнациональные конфликты. Август девяносто первого. Распад Советского Союза. Бандитские девяностые. Чечня. Тысячи погибших. Я слишком хорошо помнил цену этих событий. Поезд стучал колёсами. И вдруг я поймал себя на странной мысли. В прошлой жизни именно в поезде закончился мой путь. Теперь поезд вёз меня к новой жизни. Возможно, именно отсюда начнётся совсем другая история страны. Я ещё не знал, смогу ли изменить будущее. Но одно понимал совершенно точно. Во второй раз прожить жизнь наблюдателем я не собирался.

Глава 3

Я смотрел в окно вагона. За стеклом медленно проплывали полустанки, старые деревянные дома, пожелтевшие поля. Всё казалось знакомым и одновременно чужим. **1989 год...** Год, когда огромная страна уже стояла на краю пропасти, хотя большинство людей этого ещё не

понимали. Время митингов, пустых прилавков, громких обещаний и больших надежд. Время перемен. Я невольно сжал кулаки. «Значит, всё сначала...» Перед глазами промелькнули кадры моей первой жизни: развал Союза, очереди за хлебом, приватизация, бандитские девяностые, Чечня, гибель товарищей, нищета офицеров. Всё это я уже пережил однажды. И теперь судьба заставляла пройти этот путь ещё раз. Не хочу... прошептал я едва слышно. И вдруг в голове прозвучал чужой голос. Тихий. Молодой. Уставший. **«Хочу домой...»** Эта мысль была не моей. Она пришла так ясно, словно её произнёс человек, сидящий рядом. Я замер. Перед глазами вспыхнули чужие воспоминания. Перрон. Мать с букетом осенних астр. Отец, который никогда не обнимал при людях, но сегодня обязательно крепко пожмёт руку. Младшая сестра, уже, наверное, выросла. И девушка... Светловолосая. Она обещала ждать. Каждую неделю писала письма в Афганистан. Последнее письмо Андрей получил за три дня до дембеля. Он перечитывал его десятки раз. Комок подступил к горлу. Это была не моя боль. Но я чувствовал её так же остро, как свою. Я верну тебя домой... мысленно сказал я. Внутри стало тихо. Будто хозяин тела услышал меня. Теперь я понимал: мы не враги. Он не исчез. Его сознание угасало, словно догорающая свеча, но последние чувства, любовь к родным, тоска по дому и незавершённые мечты остались жить во мне. Мне предстояло прожить его жизнь. И одновременно прожить заново свою. Это было страшнее любой войны. Поезд медленно затормозил. За окном показался знакомый вокзал. Небольшое одноэтажное здание с облупившейся штукатуркой, клумбы с осенними цветами, несколько такси марки «Волга» и автобус ЛАЗ у площади. Сердце вдруг забилось чаще. Не моё. Его.

Я почувствовал, как внутри снова шевельнулось чужое сознание. **«Дом...»** Эта мысль была наполнена такой радостью, что у меня защемило в груди. Я сошёл на перрон. Вокзал жил своей жизнью. Кто-то встречал родственников, носильщики катили тележки с чемоданами, торговка продавала пирожки и газировку. И вдруг я увидел их. Невысокая женщина в светлом плаще тревожно всматривалась в лица выходящих пассажиров. Рядом стоял высокий седой мужчина в старом сером костюме. Он держался спокойно, но крепко сжимал ручку потёртой кепки. Чуть в стороне переминалась с ноги на ногу девчонка лет пятнадцати с огромным букетом астр. Их глаза одновременно нашли меня. Андрюша!.. Мать сорвалась с места. Она бежала, забыв обо всём, расталкивая людей. Через мгновение её руки уже обнимали меня. Сынок... Господи... Вернулся... Она плакала, прижимаясь лицом к моей груди. Я застыл. Моя мать умерла много лет назад. Я уже и забыл, когда меня в последний раз вот так обнимали. Где-то глубоко внутри послышался тихий голос. **«Мама...»** Я осторожно обнял женщину. Всё хорошо, мам... Слово вырвалось само. Оно принадлежало Андрею. Но сейчас стало и моим. Подошёл отец. Он долго молчал. Потом крепко пожал мне руку. По-мужски. Без лишних слов. Но в его глазах блестела влага. Молодец, сын. Вернулся. Я почувствовал, как у этого сильного человека дрожат пальцы. Наверное, все эти два года он боялся получить казённое извещение. Вместо него домой приехал живой сын. Пусть уже немного другой. Сестрёнка не выдержала первой. Она бросилась мне на шею. Андрюшка! Дурак! Хоть бы фотографию прислал поновее! Я улыбнулся. Выросла... Она рассмеялась сквозь слёзы. А ты совсем взрослый стал. Мы медленно пошли к выходу. Мать всё время держала меня под руку, словно боялась, что я снова исчезну. Дома почти ничего не изменилось. Тот же деревянный забор. Яблоня у калитки. Старенький мотоцикл «Урал» под навесом. Крыльцо, которое отец когда-то построил своими руками. Я остановился. Перед глазами вдруг мелькнула картина. Совсем другая. Другая жизнь. Мой собственный дом. Жена. Внуки. Фотографии сослуживцев на стене. И телефон, который больше никогда не зазвонит. Я закрыл глаза. Что с тобой? тихо спросила мать. Всё хорошо... Просто устал. Она погладила меня по плечу. Ничего, сынок. Теперь ты дома. Эти слова окончательно добили меня. Впервые за долгие годы я почувствовал, как к горлу подступают слёзы. Я был дома. Но не в своём. И где-то там, в далёком будущем, осталась моя настоящая семья, которая уже никогда не узнает, что со мной произошло. Я переступил порог. Внутри пахло

свежим хлебом, борщом и яблочным вареньем. Запахом настоящего дома. В этот момент я понял одну простую вещь. Я не смогу вернуть свою прежнюю жизнь. Но могу сделать всё, чтобы эта семья никогда больше не плакала. И чтобы страна, в которой они живут, не прошла через те испытания, свидетелем которых однажды уже стал я.

Глава 4

К вечеру дом наполнился людьми. Новость о возвращении Андрея разлетелась по улице быстрее телефона. Калитка хлопала почти без остановки. Первыми пришли дед Иван Петрович и бабушка Мария Степановна. Дед был невысоким, сухощавым, с густыми седыми усами. Войну он закончил в Кёнигсберге, а потом почти сорок лет проработал токарем на машиностроительном заводе. На пиджаке поблёскивали орден Отечественной войны и несколько медалей. Он внимательно посмотрел на меня и крепко обнял. Ну, здравствуй, внучек. Вернулся... Молодец. Только теперь я заметил, что у старика дрожат руки. Бабушка прижала меня к себе и, вытирая слёзы краем платка, всё повторяла: Худой какой... Господи, да чем же вас там кормили... Следом приехали мамина сестра тётя Валя с мужем дядей Колей, весёлым шофёром автобазы. Вместе с ними ворвались двоюродные брат Сергей и сестра Лена. Через полчаса в доме стало тесно. На кухне хозяйничали сразу четыре женщины. Из духовки тянуло запечённой курицей. На столе уже стояли дымящийся борщ, домашние котлеты, картошка с укропом, солёные огурцы, квашеная капуста, холодец, селёдка с луком, пирожки с картошкой и грибами. Посреди стола красовалась трёхлитровая банка берёзового сока. Рядом бутылка «Столичной» и графин домашней настойки. Отец открыл сервант и достал праздничный сервиз. Такой случай не каждый день бывает, сказал он. Когда все расселись, наступила неожиданная тишина. Первым поднялся дед. Он налил всем понемногу. Даже мне. Подержал рюмку в ладони и негромко произнёс: Выпьем за тех, кто дождался... И за тех, кто уже никогда не вернётся домой. В комнате стало совсем тихо. Я видел, как мама украдкой вытирает глаза. Отец молча смотрел в стол. Я медленно поднялся. Разрешите... Все посмотрели на меня. В Афганистане говорят, что человек жив, пока его помнят. Давайте сегодня выпьем не только за меня. За моих друзей. За ребят, которые остались там. Они тоже очень хотели вернуться домой... Я не смог продолжить. Ком подступил к горлу. Дед первым чокнулся со мной. Правильно говоришь, солдат. Все молча выпили. Разговор постепенно ожил. Тётя Валя без конца подкладывала мне еду. Андрюша, ещё котлетку. Картошечки положить? Да ты совсем исхудал. Дядя Коля расспрашивал про армию. Правда, что в горах вертолёты чуть ли не каждый день летают? А автоматы новые хорошие? Отец одёрнул его. Хватит про войну. Пусть человек дома отдохнёт. Мать всё время смотрела на меня так, словно боялась отвернуться. Ей хотелось убедиться, что это не сон. Что сын действительно сидит за столом, улыбается, ест её борщ. И вдруг сестрёнка сказала: Мам, а Андрей изменился. Все замолчали. Я почувствовал, как внутри всё напряглось. Почему? спросила мать. Не знаю... Раньше он сразу начинал шутить, смеяться. А теперь всё время смотрит на людей... Будто запоминает. Я улыбнулся. Просто повзрослел. Дед внимательно посмотрел на меня поверх очков. Потом тихо кивнул. Нет, Леночка права. Все удивлённо повернулись к нему. Война меняет человека. Я своего отца тоже таким видел после сорок пятого. Вроде тот же самый... а глаза уже другие. Он поднял рюмку. Лишь бы душа осталась доброй. Эти слова немного разрядили обстановку. Разговор снова стал весёлым. Вспоминали, каким я был мальчишкой, как однажды с друзьями разобрал соседский мотоцикл, чтобы «понять, как он устроен», как убежал зимой на рыбалку и провалился под лёд. Все смеялись. Я тоже. Но иногда ловил себя на мысли, что смеюсь вместе с человеком, которого уже нет. Поздно вечером гости начали расходиться. Дед задержался у калитки. Закурил папиросу. Долго молчал. Потом тихо сказал: Война не заканчивается, когда солдат снимает форму. Она ещё долго живёт внутри. Если когда-нибудь захочешь поговорить... приходи. Я посмотрел на старика. Он словно видел меня насквозь. Не попаданца. Не бывшего разведчика. А человека, который слишком много пережил для своих лет. И почему-то именно ему первому я поверил.

Глава 5

Когда последний гость ушёл, в доме наконец стало тихо. Мать убирала со стола, сестра мыла посуду, стараясь не греметь тарелками. Отец молча вышел на веранду. Я последовал за ним. На улице уже стемнело. Над садом висела полная луна, где-то за огородами лениво перекликались собаки. Отец достал из буфета початую бутылку водки, поставил на стол два гранёных стакана и, немного подумав, заменил их рюмками. Не говоря ни слова, налил до краёв. Потом сел напротив. Долго смотрел на меня. Выпей, сынок... Он говорил негромко, почти шёпотом. Давай выпьем. За возвращение. Я посмотрел на прозрачную жидкость. В памяти вспыхнули десятки лиц. Молодые ребята. Разведчики. Друзья. Те, кто уже никогда ничего не выпьет. Я медленно отодвинул рюмку. Нет, отец. Он удивлённо поднял глаза. Не отпустит это меня... Не водкой. Я коснулся пальцами столешницы. Оно теперь всегда будет жить со мной. Отец тяжело вздохнул. Он не стал уговаривать. Только молча выпил свою рюмку и поставил её обратно. Некоторое время мы сидели молча. Может, ко мне на работу пойдёшь? наконец спросил он. На завод. Работа... она снимает разные думки. Когда руки делом заняты, голове легче. Я улыбнулся. Хороший он человек. Простой. Всю жизнь верил, что честный труд способен вылечить любую боль. Я покачал головой. Нет, отец. Он внимательно посмотрел на меня. Я поеду в Москву. В Москву? Буду учиться. Эти слова прозвучали твёрдо. Не как просьба. Как решение. Из кухни выглянула мать. Она, оказывается, всё это время прислушивалась к нашему разговору. Не могу я здесь жить, продолжил я. В маленьком городе всё будет напоминать о войне. Каждый двор. Каждый знакомый. Каждый вопрос: «Ну как там, в Афгане?» Мне нужно начать всё сначала. Мать тихо ахнула и прикрыла ладонью рот. Она уже успела обрадоваться, что сын вернулся домой навсегда. А теперь снова услышала слово «уеду». Отец долго молчал. Потом медленно кивнул. Правильно сказал. Я удивлённо посмотрел на него. Иди учиться. Он поднялся и положил мне руку на плечо. Большим человеком станешь. Не каждому судьба второй шанс даёт... Не упusti его. Последнюю фразу он произнёс так, что у меня по спине пробежал холодок. Словно почувствовал что-то. Словно увидел во мне не только своего сына. Отдохни лето, продолжил отец. А осенью езжай. Я покачал головой. Нет, папа. Он нахмурился. Уеду я завтра. Наступила тишина. Завтра? едва слышно переспросила мать. Она вышла на веранду. В её глазах снова стояли слёзы. Сынок... Ты же только приехал... Я подошёл к ней. Обнял крепко, как не обнимал никого уже много лет. Мам... Она уткнулась лицом мне в плечо. Не плачь. Я не на войну уезжаю. Я буду жить. Буду писать вам каждую неделю. Буду приезжать. Обещаю. Потом повернулся к отцу. Мы крепко обнялись. По-мужски. Без лишних слов. Спасибо, папа. Он хлопнул меня по спине. Не подведи. Не подведу.

Глава 6

Через несколько дней отец вошёл в мою комнату с небольшим чемоданом в руках. Собирайся, сын. Билеты уже купил. Поедешь в Москву. Тебе нужно учиться. Я договорился, чтобы ты попробовал поступить на подготовительное отделение Московского государственного университета имени Ломоносова. Это твой шанс начать новую жизнь. Я молча посмотрел на него. После войны слово «будущее» звучало непривычно. Всё моё будущее до сих пор ограничивалось воспоминаниями о тех, кто остался лежать на чужой земле. Мать уже складывала в чемодан выглаженные рубашки, тёплый свитер, полотенце и небольшой свёрток с домашней едой. Она всё время отворачивалась к окну, чтобы я не видел её слёз. В Москве всё дорого, тихо сказала она, протягивая мне маленький полотняный мешочек. Здесь немного денег. Береги их. Мам, не надо... Надо. Для матери сын всегда остаётся сыном. Утром отец отвёз меня на вокзал. Мы почти не разговаривали. Он лишь помог поставить чемодан в вагон и долго смотрел на меня. Когда поезд тронулся, отец снял кепку и поднял руку. Мать стояла чуть позади, прижимая к груди платок. Они быстро исчезли за клубами пара и длинной цепочкой вагонов. Я смотрел в окно, пока знакомые улицы, дома и поля не растворились за горизонтом. Казалось, вместе с ними уходила вся моя прежняя жизнь. Дорога до Москвы заняла несколько суток.

За окном мелькали станции, леса, широкие реки, большие города и маленькие полустанки. В купе ехали разные люди: демобилизованные солдаты, молодые специалисты, студенты. Каждый рассказывал о своих планах, а я больше слушал. Мне казалось, что все они давно нашли своё место в жизни, а я только начинал искать своё. Когда поезд прибыл на Ленинградский вокзал, Москва встретила меня шумом, бесконечным потоком людей и величественными зданиями. Никогда прежде я не видел такого огромного города. Казалось, он жил сразу тысячами судеб. Добравшись до Ленинских гор, я впервые увидел главное здание Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Огромная сталинская высотка поднималась в небо так высоко, что невольно приходилось запрокидывать голову. Я долго стоял на площади, не решаясь войти. Передо мной был не просто университет передо мной открывалась дверь в совершенно иной мир. Москва встретила меня так, словно я никуда и не уезжал. Те же широкие проспекты, шум трамваев, переполненные троллейбусы, автоматы с газированной водой, девушки в светлых платьях, спешащие студенты с книгами под мышкой. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая, что впереди его ждут великие свершения, застой, перестройка и распад огромной страны. А мне было приятно снова оказаться здесь. Я уже жил в этой Москве. Я знал её не по картам и фотографиям, а по собственной памяти. Помнил, как изменятся эти улицы, где появятся новые станции метро, какие здания снесут, а какие останутся символами эпохи. Я знал, каким станет Арбат, что будет происходить на Манежной площади, как изменится Тверская. Для меня это был не новый город, а давно забытый дом. В приёмной подготовительного отделения внимательно изучили мои документы. Военная служба? Да. Среднее образование есть? Есть. Секретарь сделала отметку в личном деле и улыбнулась. Поздравляю. Вы зачислены на подготовительное отделение. Занятия начинаются с понедельника. В тот момент я почувствовал то, чего не испытывал уже очень давно, спокойствие. Впервые после войны мне не нужно было думать о том, как выжить. Нужно было только учиться. Каждый день, идя на занятия, я внимательно смотрел на прохожих. Молодые рабочие, инженеры, офицеры, студенты, пенсионеры... Они жили сегодняшним днём, строили планы, радовались простым вещам и были уверены, что впереди у них спокойная и понятная жизнь.

Я невольно думал: «Если бы вы знали, что вас ждёт...» Встретить пред перестроечную Москву было странно и одновременно радостно. Для всех она была настоящим, а для меня давно ушедшим прошлым. Я уже жил здесь когда-то, знал её улицы, бульвары, станции метро, помнил запах свежего асфальта после летнего дождя, очереди у гастрономов, вечерние огни проспектов и неторопливый ритм большого города. Я шёл по Москве и ловил себя на мысли, что многое ещё только должно появиться, а многое, наоборот, никогда уже не случится, если мне удастся изменить ход истории. Я смотрел на людей и невольно думал: кто-то из них станет известным учёным, кто-то построит завод, кто-то переживёт перестройку, кто-то потеряет страну, которую сегодня считает вечной. Они этого ещё не знали. А я знал. Особенно интересно было наблюдать за своими одноклассниками. Для них жизнь только начиналась. Они спорили о книгах, мечтали о профессии, строили планы, влюблялись, смеялись, не подозревая, какие испытания ждут их впереди. Они ещё верили, что государство, в котором родились, будет существовать всегда. Я же видел их иначе. Для меня их будущее уже стало прошлым. Я знал, что через два десятилетия многие из них окажутся в совершенно другой стране. Кто-то станет успешным инженером, кто-то уйдёт в науку, кто-то займётся бизнесом, а кто-то потеряется в бурных девяностых. Но говорить об этом я не имел права. Иногда мне хотелось остановить их и сказать: Цените это время. Оно кажется вам обыденным, но однажды вы будете вспоминать его как самую спокойную и счастливую эпоху своей жизни. Но я лишь улыбался и продолжал идти рядом с ними. Для них я был таким же студентом подготовительного отделения, как и они. Никто не догадывался, что за плечами у меня уже была целая жизнь, прожитая в другом времени. Иногда мне казалось, что я старше всех преподавателей вместе взятых. Не по возрасту, а по памяти. Они учили нас истории, политэкономии, философии, рассказывали о будущем

страны, искренне веря в свои слова. А я сидел на последних рядах и думал о том, как трудно изменить судьбу огромного государства, даже если знаешь, что произойдёт через двадцать лет. Нас поселили в общежитии. В комнате жили четверо ребят. Один приехал с Дальнего Востока, другой с Урала, третий из Белоруссии. Все были разными, но объединяло нас одно желание поступить в университет. Учёба оказалась тяжёлой. Математика, физика, русский язык, история, иностранный язык преподаватели требовали полной отдачи. Иногда занятия продолжались до самого вечера. После лекций мы сидели в читальном зале, разбирали задачи, спорили над доказательствами и готовились к очередным контрольным. Постепенно я начал замечать, что прошлое перестаёт преследовать меня каждую минуту. Новые знания вытесняли тяжёлые воспоминания. Я всё чаще ловил себя на мысли, что снова строю планы, мечтаю и верю в собственные силы. Особенно интересными были мои одноклассники. Мы сидели за одними партами, вместе решали задачи, готовились к зачётам, спорили на переменах. Они говорили о том, в какой институт поступят, кем станут через пять лет, где будут работать после окончания университета. Для них всё было впереди. Для меня многое уже осталось позади. Я знал, что один из этих весёлых ребят станет талантливым конструктором и будет создавать самолёты. Другой посвятит жизнь науке, но в девяностые уйдёт торговать на рынке, чтобы прокормить семью. Кто-то станет партийным работником и будет до последнего защищать страну, которой скоро не станет. Кто-то уедет за границу, а кто-то навсегда останется в России, пытаясь сохранить то, что ещё можно сохранить. Они смеялись, строили планы, влюблялись, спорили о музыке, о футболе, о книгах. Они были счастливы своей молодостью и даже не подозревали, насколько счастливым было их время. Иногда мне хотелось сказать им: Запоминайте каждую минуту. Вы ещё не понимаете, но живёте в самой спокойной эпохе своей жизни. Берегите своих родителей, дружите друг с другом, не гонитесь за пустыми вещами. Придёт время, когда многое из привычного исчезнет навсегда. Но я молчал. Я не имел права менять судьбу каждого человека. Моей задачей было изменить судьбу страны. И всё же иногда мне казалось, что я самый старый человек в этой аудитории. Не по возрасту по прожитым годам. Моим товарищам было по восемнадцать-девятнадцать лет. Мне тоже. Но в моей памяти уже лежали десятилетия жизни, успехов, ошибок, потерь и надежд. Слушая преподавателей, я часто ловил себя на мысли, что знаю продолжение их рассказов. Они говорили о будущем Советского Союза с полной уверенностью, а я видел перед собой две картины одновременно. Одну ту, в которой они искренне верили в силу государства. И другую ту, которую уже пережил сам: Афганистан, перестройку, очереди, пустые полки, августовские события, распад Союза и трудные девяностые. Именно тогда я окончательно понял: я приехал сюда не только получать знания. Я приехал для того, чтобы сделать всё возможное и невозможное, чтобы у этой страны появилось другое будущее. Однажды, выходя после вечерних занятий на смотровую площадку перед главным зданием университета, я посмотрел на огни Москвы. Огромный город жил своей жизнью, а где-то далеко, за тысячи километров, оставался мой родной дом, где родители каждый день ждали моего письма. Я достал лист бумаги и написал всего несколько строк: «Дорогие мама и отец. Не волнуйтесь за меня. Здесь всё хорошо. Я обязательно оправдаю вашу веру. Обещаю, что однажды вы будете гордиться тем, что проводили меня в этот поезд».

Глава 7

С реальностью я столкнулся уже в первый вечер в общежитии. Мы сидели в своей комнате, знакомились, пили чай, который кто-то привёз из дома, делились припасами. Разговор шёл о будущей учёбе, о том, кто откуда приехал и почему решил поступать в МГУ. Атмосфера была спокойной и почти домашней. Вдруг дверь без стука распахнулась. В комнату вошли четверо парней лет по двадцать. По их уверенным лицам было видно, что они здесь чувствуют себя хозяевами. Один высокий, со шербатой улыбкой, небрежно сплюнул на только что вымытый пол. Ну что, пацаны, ухмыльнулся он. А ну-ка сгоняли за пивом. Да поживее. Ребята переглянулись. Кто-то опустил глаза, кто-то уже собирался подняться. Я спокойно встал из-за стола,

сделал два шага и, опередив незваных гостей, захлопнул дверь. Затем прислонился к ней спиной. Стоять. В комнате стало тихо. Какое ещё пиво? спросил я негромко, глядя прямо в глаза щербатому. Вы что, попутали? Это наше общежитие, а не ваша кормушка. Щербатый удивлённо приподнял брови. Похоже, такого ответа он давно не слышал. Ты, салага, не понял, с кем разговариваешь? Нет, спокойно ответил я. Это вы не поняли, в какую комнату зашли. Он шагнул ко мне, пытаясь взять на испуг. Я даже не шелохнулся. Да же в сознании реципиента моего тела не воспринимало их как угрозу. После войны даже его трудно было напугать. Он видел людей, которые шли в атаку под пулёмётным огнём. Видел смерть совсем рядом. После этого дешёвое общежитское хулиганство выглядело жалко. А в моем сознании человека видевшего как поднимается московский бандитизм в 90 тем более. Последний раз повторяю, сказал я ровным голосом. Развернулись и вышли. Пока сами можете выйти. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Щербатый явно пытался понять, блефую я или действительно готов идти до конца. Такие люди хорошо чувствуют страх. Но ещё лучше они чувствуют его отсутствие. Он усмехнулся, сплюнул уже себе под ноги и сделал шаг назад. Ладно... Ещё увидимся, герой. Обязательно увидимся, ответил я. Только в следующий раз стучите, прежде чем входить. Но прощать его плевки я не собирался. Вырубив с трех ударов троих я поймал руку щербатого и взяв его на болевой. Заставил слизывать все его плевки. А затем вы пнул их из комнаты. В комнате ещё несколько секунд стояла тишина. Ты... ты что, их не знаешь? наконец спросил один из ребят. Нет. Это местные. Их все боятся. Я улыбнулся. Значит, сегодня у них появился повод понять, что боятся не все. Только теперь ребята облегчённо засмеялись. Кто-то снова поставил чайник на плитку, кто-то достал сахар. Разговор постепенно вернулся к учёбе, но я видел, что теперь они смотрели на меня совсем иначе. Они ещё не знали, что самый опасный бой в моей жизни уже давно остался позади. Поэтому четверо общежитских хулиганов не могли произвести на меня никакого впечатления. Но вопрос с ними остался открытым. Я не стал откладывать это дело в долгий ящик. Потому что это как снежный ком и пока он еще не разросся я решил выяснить кто рулит этим районом. Одев не стесняющую движения одежду, я вышел на улицу. Искать их долго не пришлось потому что, они сами меня нашли. За общагой стояла толпа пацанов. Увидев меня они молча оценивали меня. Но не оценили. Вместо приветствия я стал укладывать их штабелями. Щербатого оставил на десерт просто отпихнув его. Он стоял прижавшись к стене и понимал что зря затеял это дело. Но было уже поздно. Под кем работаешь спросил я подходя к нему. Под бритым ответил он признавая поражение. Пошли к нему сказал я. Через несколько минут мы пришли в подвал в котором была организована качалка. Три здоровяка, не прекращая занятия и даже демонстративно поигрывая мышцами рассматривали меня. Бритый сидел за столом и тоже изучал меня понимая, что просто так молодые парни так борзо не заходят. Он держал этот район и понимал, когда стоит устраивать разборки, а когда и просто разойтись краями. И он начал с козырей. Те чо Васек попутал нормальных пацанов прессуешь. Обратился он с напускной бравадой на щербатого. Я не пацан пошел на обострение я. Вот видишь переобулся Бритый это уже не пацан а молодой мужчина. Я понял что он не хочет конфликта сейчас и решил тоже не обострять. Я Шурави обозначился я и это мой район. Бритый только улыбнулся. Я ушел. Я знал всех бандитов кто начинал в этих годах поднимать голову и Бритого там не было. А заниматься мелочью я не собирался. И свой парень на районе тоже нужен. Теперь мне предстояло выяснить, кто держит под собой бизнес в районе Воробьёвых гор, и познакомиться с этим человеком. На дворе стоял 1989 год. Москва стремительно менялась. Государство еще существовало, но его власть уже не была единственной. Рядом с партийными кабинетами возникла другая сила люди, которые решали вопросы быстрее любого чиновника. Кооперативы открывались каждый день, деньги крутились огромные, а вместе с ними появлялись те, кто предлагал защиту. Вернее, не предлагал навязывал. Каждый район столицы постепенно обзаводился своими авторитетами. Где-то влияние только складывалось, где-то уже шла тихая война за рынки, рестораны, автосервисы и

первые коммерческие предприятия. Воробьёвы горы не были исключением. Мне нужен был не конфликт. Мне нужен был разговор. Я всегда придерживался простого принципа: прежде чем строить бизнес на чужой территории, познакомься с теми, кто считает её своей. Это дешевле войны и гораздо выгоднее взаимной ненависти. Оставалось узнать только одно, кто именно был тем человеком, к которому мне предстояло прийти первым.

Глава 8

Я хорошо помнил первые преступные группировки, которые в конце восьмидесятых только начинали превращаться в силу. Поэтому решил начать с человека, имя которого уже тогда произносили вполголоса. Сергей Тимофеев, по прозвищу Сильвестр. Если уж договариваться, то с тем, кто вскоре станет одной из самых влиятельных фигур криминального мира Москвы. Мелкие авторитеты меня не интересовали. Они сегодня были хозяевами двора, а завтра могли исчезнуть. Мне нужен был человек, который мыслил не дракой в подворотне, а будущим. Я записал адрес: Шипиловская улица, дом 37, корпус 1. Начинать нужно с главного, сказал я самому себе. Машина плавно тронулась с места. Москва конца 1989 года жила сразу в двух измерениях. На поверхности очереди, кооперативы и первые коммерсанты. Под этой оболочкой уже складывался другой мир, где влияние определялось не должностью и партийным билетом, а людьми, способными заставить себя уважать или бояться. Мне предстояла встреча, которая могла определить дальнейшую судьбу всего моего предприятия. Дверь открыл крепкий парень лет тридцати. Он молча оглядел меня с ног до головы. Тебе кого? Сергея. Передай, что к нему человек по делу. Он поймет. Парень исчез за дверью. Через минуту послышался спокойный голос: Пусть заходит. В комнате было накурено. За столом сидел Сергей. Он внимательно посмотрел на меня, не предлагая ни руки, ни стула. Говорят, ты меня искал. Я спокойно сел напротив. Искал. Несколько секунд мы молча изучали друг друга. Обычно ко мне приходят с просьбами, сказал он. А ты? Не с просьбой. С разговором. Он слегка улыбнулся. Интересно. Продолжай. Москва меняется. Появляются кооперативы, новые предприятия, люди начинают работать. Но вместо того чтобы строить, слишком многие решили жить за чужой счет. Это тупиковый путь. Он прищурился. Это ты сейчас меня учить жизни пришел? Нет. Предупредить. Наступила тишина. Любые деньги, взятые силой, заканчиваются кровью. Сегодня можно заставить человека платить. Завтра придут другие, сильнее, и заставят платить уже тебя. Так рождаются войны, в которых никто не выигрывает. Сергей молча слушал. Если хочешь иметь влияние, оно должно приносить пользу людям. Защищать бизнес от беспредела одно. Душить тех, кто создает рабочие места, совсем другое. Тогда люди начинают ненавидеть не государство, а тех, кто мешает им работать. Он закурил сигарету. Красиво говоришь. Только жизнь проще. Нет. Жизнь гораздо сложнее. Через несколько лет Москва станет совсем другой. Вопрос только в том, кто сумеет измениться вместе с ней. Он долго смотрел мне в глаза. Станный ты человек... Как будто уже видел то, что нам только предстоит. Я поднялся. Именно поэтому я и приехал. Мне не нужна война. Мне нужно, чтобы люди спокойно работали и платили тебе. Если мы не будем мешать друг другу, выиграют все. Но я не хочу вмешиваться в твои дела, но хочу иметь процент с этого. Я сдвинулся в сторону. Потому что кто-то обходил меня сзади. И подошел вплотную к Сильвестру. Если это начнется сейчас я просто убью тебя произнес я ледяным голосом. Если принимаешь мое предложение назови жертву и я убью ее. Меня зовут Шурави. Выходя, я чувствовал на себе его взгляд. Он ничего не обещал и ни в чем не соглашался. Но впервые за весь разговор в его глазах появилось не недоверие, а интерес.

Глава 9

Я вернулся в общежитие. Я понимал, что после нашей встречи Сергей без особого труда сможет меня найти. Если захочет узнать, где я живу, с кем общаюсь и чем занимаюсь. Но что он предпримет дальше, я не знал. Да и, признаться, не особенно хотел об этом думать. Сейчас меня занимало совсем другое. Я все сильнее ощущал, что живу сразу двумя жизнями. Мой разум принадлежал семидесятилетнему человеку, прожившему долгую жизнь, пережив-

шему войну, предательство, успехи и поражения. Я уже успел состариться, умереть и каким-то невероятным образом переселиться в это молодое тело. Но тело имело собственную память. Подсознание моего юного реципиента настойчиво вмешивалось в мои мысли. Стоило увидеть смеющихся студенток, почувствовать запах духов или услышать девичий смех в коридоре общежития, как холодный расчет взрослого человека начинал отступать. Молодой организм требовал своего общения, влюбленности, свиданий, простого секса. Я ловил себя на том, что невольно провожаю девушек взглядом. Да что же это такое... усмехнулся я. В моей прошлой жизни женщины давно перестали быть главным смыслом существования. В семьдесят лет мысли заняты совсем другим: временем, здоровьем, детьми, тем, что успел сделать и чего уже никогда не исправишь. А теперь мне снова было двадцать. Гормоны уверенно спорили с жизненным опытом. Иногда казалось, что молодой мозг пытается взять верх над моей памятью, заставляя забыть о планах, опасностях и людях, с которыми я только что вел непростой разговор. Приходилось буквально одергивать самого себя. «Сначала дело, мысленно повторял я. Потом все остальное.» Но молодость не слушает доводов разума. Она просто живет. Чтобы успокоить молодое тело и понять, насколько оно подчиняется моему разуму, я записался в секцию бокса. Карате я даже не рассматривал. В конце восьмидесятых туда шли самые разные люди. Среди настоящих спортсменов хватало и тех, кого привлекала не дисциплина, а возможность научиться драться. Мне не хотелось возвращаться в такой компании. Бокс был другим. Старая школа. Дисциплина. Труд. Уважение к сопернику. Здесь невозможно было стать сильным, не научившись терпеть боль и работать над собой. Ринг быстро сбивал спесь с любого. Мне это подходило. Но главная причина была в другом. Я хотел проверить самого себя. В моем сознании жил опыт семидесятилетнего человека. Я помнил тысячи ситуаций, умел просчитывать людей на несколько шагов вперед, сохранял спокойствие там, где молодой парень давно бы сорвался. Однако тело принадлежало двадцатилетнему юноше. Оно было быстрым, сильным, но жило своими законами. Иногда мне казалось, что оно принимает решения раньше, чем я успеваю их обдумать. Я решил провести эксперимент. Как поведет себя организм под нагрузкой? Кто победит на ринге холодный расчет старика или инстинкты молодости? Сумеют ли мои знания компенсировать отсутствие спортивной подготовки именно у этого тела? Ответы можно было получить только одним способом. Надеть перчатки. Я был почти уверен, что техника останется со мной. Ведь движение рождается не только в мышцах, но и в голове. Вот только хватит ли молодому телу выдержки выполнить то, что задумал разум? Это мне еще предстояло узнать.

Глава 10

Первое занятие проходило в старом спортивном зале института. Потертый деревянный пол, тяжелые кожаные мешки, запах канифоли, пота и старой кожи. Где-то в углу монотонно стучала скакалка, на ринге двое парней работали в легком спарринге, а пожилой тренер внимательно наблюдал, не вмешиваясь без необходимости. Я остановился в дверях. Новенький? спросил тренер. Да. Он окинул меня взглядом. Занимался раньше? Я усмехнулся. Очень давно. Он решил, что я шучу. Посмотрим. Сначала разминка. Тело включилось сразу. Бег, растяжка, скакалка. Легкие работали как меха, сердце уверенно разгоняло кровь. Молодость обладала одним удивительным качеством она восстанавливалась быстрее, чем успевала устать. А вот мой разум все время анализировал. «Стойка слишком высокая... Локоть прижат плохо... Этот открывает подбородок после каждого джеба... А тот вообще бьет всем корпусом, забывая про ноги...» Я не смотрел на людей как спортсмен. Я смотрел на них глазами человека, прожившего долгую жизнь. Любая драка, любой конфликт давно перестали казаться мне романтикой. Я видел в них механику. Наконец тренер подозвал меня. Надевай перчатки. Передо мной поставили высокого парня года на два старше. Легонько поработаете. Без геройства. Мы коснулись перчатками. Парень сразу полез вперед, рассчитывая задавить новичка. И в этот момент произошло то, ради чего я сюда пришел. Я ничего не успел подумать. Тело само ушло с линии

атаки. Ноги сделали короткий шаг в сторону, плечо провернулось, и мой левый джеб сам нашел его нос. Не сильно. Просто точно. Парень удивленно моргнул. Я тоже. «Так... Интересно...» Следующую атаку он начал осторожнее. Теперь уже работал разум. Я видел его движения раньше, чем они завершались. Не потому, что обладал сверхспособностями. Просто семьдесят лет жизни научили меня читать людей. Плечо начинает движение раньше кулака. Взгляд всегда выдает направление удара. Напряжение бедра говорит о том, какой ногой человек собирается шагнуть. Я почти не бил. Я уходил. Поворот. Нырок. Шаг назад. Снова джеб. Через две минуты парень тяжело дышал, а я почти не устал. Стоп! скомандовал тренер. Он подозвал меня. Ты говорил, что давно занимался? Очень давно. Он внимательно посмотрел мне в глаза. Такое чувство, будто у тебя не тело новичка. Ты двигаешься так, словно уже понимаешь, что будет через секунду. Я улыбнулся. «Если бы ты только знал, подумал я. Я прожил еще пятьдесят одну жизнь сверх той, что написана в моем паспорте.» Вечером, возвращаясь в общежитие, я понял главное. Молодое тело оказалось не помехой. Оно стало инструментом. Опыт прожитых лет никуда не исчез. Наоборот, в сочетании с двадцатилетней реакцией он давал преимущество, которого не могло быть ни у одного моего ровесника. Оставалось лишь научиться управлять этим необычным союзом разума и молодости. И тогда мне уже не были страшны ни уличные авторитеты, ни чиновники, ни будущие испытания, которые готовило время. После тренировки я не пошел сразу в общежитие. Хотелось пройтись. Вечерняя Москва конца восьмидесятых жила своей особенной жизнью. У метро торговали цветами, бабушки продавали семечки в бумажных кулечках, студенты громко спорили о перестройке, кто-то обсуждал новые кооперативы, кто-то ругал Горбачева. Казалось, весь город стоял на пороге чего-то огромного, но никто еще не понимал чего именно. Я шел не спеша. После бокса мысли стали удивительно ясными. Теперь я понимал, что борьба идет не между моим разумом и телом. Мы начинали становиться одним целым. Тело перестало мешать мне. Оно лишь иногда напоминало, что ему двадцать лет. Оно хотело жить быстрее, смеяться громче, влюбляться без оглядки. А мой разум, проживший семь десятилетий, постоянно нажимал на тормоз. Я усмехнулся. Значит, придется договариваться. Ведь если постоянно подавлять молодость, можно превратиться в старика раньше времени. А если полностью отдаться ее желаниям потерять все преимущества прожитой жизни. Нужно было найти равновесие. Вернувшись в общежитие, я застал привычную картину. Из соседней комнаты доносилась музыка. Кто-то брэнчал на гитаре. Девчонки смеялись так заразительно, что весь этаж жил этим смехом. На общей кухне спорили о том, какой магнитофон лучше японский или советский. Андрей! окликнул меня сосед. Ты где пропадаешь? Девчонки из педагогического опять спрашивали про тебя. Я только махнул рукой. Потом. Ты странный засмеялся он. Нормальный парень давно бы уже бегал на свидания. Я улыбнулся. «Если бы ты знал, сколько свиданий, встреч и расставаний уже осталось за моей спиной...» Но в этот момент я поймал себя на неожиданной мысли. А ведь для этого тела ничего еще не было. Ни первой настоящей любви. Ни первого серьезного разочарования. Ни семьи. Ни детей. Все это принадлежало другому человеку. Моему прежнему "я". А этот двадцатилетний парень имел право прожить собственную жизнь. Я остановился у окна. Во дворе общежития смеялись студенты. Кто-то обнимал девушку, кто-то торопился на последний автобус, кто-то просто сидел на лавочке, не думая о будущем. И впервые с момента моего переселения мне стало ясно: я не должен прожить эту жизнь как повторение старой. Второй шанс дается не для того, чтобы бесконечно исправлять ошибки прошлого. Он дается для того, чтобы научиться жить заново. Именно в эту минуту я понял, что впереди меня ждут не только заводы, большие деньги и опасные знакомства. Впереди была молодость. Настоящая. Та, которой у меня уже никогда не должно было быть.

Глава 11

На следующий день я проснулся раньше всех. В комнате стояла тишина. Соседи еще спали, только один тихо посапывал, натянув одеяло на голову. Я сел на кровати и посмотрел

в окно. Начинался новый день моей второй жизни. Странное ощущение не покидало меня. Каждый прожитый день делал меня все менее похожим на того старика, которым я был еще совсем недавно. Память оставалась прежней, но привычки менялись. Я стал быстрее ходить. Больше смеяться. Лучше спать. И самое удивительное перестал чувствовать постоянную усталость, которая сопровождала меня последние годы первой жизни. Молодое тело постепенно возвращало мне то, что я давно считал утраченным. Энергию. После зарядки и холодного душа я поймал себя на мысли, что с нетерпением жду следующей тренировки по боксу. Еще неделю назад я бы рассмеялся, если бы кто-нибудь сказал семидесятилетнему пенсионеру, что он будет радоваться возможности получить пару ударов в голову. Теперь же мне было интересно. Я исследовал самого себя. После лекций я снова пришел в зал. Тренер уже заметил меня. А я думал, новички после первой тренировки исчезают. Я не люблю бросать начатое. Он усмехнулся. Посмотрим. На этот раз он поставил меня против совсем другого соперника. Невысокий. Коренастый. Спокойный. Такие были опаснее всех. Он не бросался вперед, не размахивал руками. Просто терпеливо ждал моей ошибки.

«Вот это уже интересно», подумал я. Мы начали двигаться по кругу. Минуту. Другую. Никто не атаковал. Тренер даже крикнул: Работайте! Что вы друг друга гипнотизируете? И вдруг я понял, что происходит. Мы оба ждали. Он пытался прочесть мои намерения. А я его. Разница заключалась лишь в том, что ему было двадцать лет жизненного опыта, а мне семьдесят. Я едва заметил, как напряглось его правое плечо. «Сейчас будет двойка.» Удар еще не начался, а я уже сделал полшага в сторону. Его кулак рассек пустой воздух. Мой джеб коснулся его лба. Не сильно. Скорее как отметка. Парень остановился. Ты что, мысли читаешь? удивился он. Я засмеялся. Нет. Просто люди редко меняются. После спарринга тренер подзвал меня. Послушай, ты точно нигде серьезно не занимался? Нет. Тогда объясни одну вещь. Какую? Откуда у тебя такое терпение? Молодые всегда спешат. Им обязательно нужно победить. А ты никуда не торопишься. Будто знаешь, что время работает на тебя. Я на секунду задумался. «Потому что я уже однажды прожил всю жизнь», хотел ответить я. Но сказал совсем другое: Просто я однажды понял цену поспешных решений. Тренер кивнул. Он принял мой ответ за красивую фразу. А для меня это была самая настоящая правда. После тренировки тренер задержал меня. Останься на минуту. Когда ребята разошлись по раздевалкам, он присел на край ринга и жестом пригласил меня. У тебя хорошие данные. Если будешь заниматься серьезно, через год-два сможешь выступать на соревнованиях. Думаю, и до мастера спорта дойти реально. Я покачал головой. Не стоит строить на меня планы. Он удивился. Почему? Потому что за медалями я не гонюсь. Тренер внимательно посмотрел на меня. Станные вещи ты говоришь для двадцатилетнего парня. Может быть. Но мне бокс нужен не ради пьедестала. А ради чего? Я немного помолчал. Чтобы научиться владеть собой. Чтобы тело слушалось головы. Чтобы не терять хладнокровия, когда больно или страшно. Тренер усмехнулся. Обычно к этому приходят годам к сорока. «А я уже пришел», подумал я. Если вам нужна победа на первенстве института или честь клуба, продолжил я, я помогу. Выйду на ринг, если это действительно будет важно для команды. Но строить спортивную карьеру не стану. Он долго молчал. Потом неожиданно улыбнулся. Знаешь, за тридцать лет работы я видел сотни парней. Одни мечтали о чемпионских поясах, другие о славе, третьи просто хотели научиться драться. А ты первый, кто пришел сюда учиться управлять собой. Я пожал плечами. Самый опасный противник всегда стоит перед зеркалом. Тренер негромко рассмеялся. Вот теперь я окончательно убедился, что ты необычный человек. Он поднялся. Хорошо. Не буду заставлять тебя ездить по соревнованиям. Но одно условие. Какое? Не бросай тренировки. Таких учеников мне терять не хочется. Я протянул ему руку. Договорились. Пожимая ее, я подумал, что впервые за долгое время встретил человека, который не пытался использовать меня в своих интересах. Ему действительно хотелось сделать из меня хорошего боксера. А мне нужен был хороший наставник. Иногда этого было вполне достаточно.

Глава 12

На следующий день, сразу после второй пары, в комнату общежития без стука вошел широкоплечий парень с наголо выбритой головой. На районе его знали по прозвищу Бритый. Он обвел комнату взглядом и остановился на мне. Привет коротко бросил он мне. Поехали. Куда? Тебя ищет Сильвестр. В комнате сразу стало тихо. Соседи переглянулись, но никто не произнес ни слова. Я спокойно закрыл конспект. Он объяснил зачем? Нет. Сказал только, чтобы привезли без глупостей. Я улыбнулся. А если не поеду? Бритый пожал плечами. Все равно встретитесь. Только тогда разговор начнется не так, как ему хотелось бы. Логика в его словах была. Я медленно надел куртку. Поехали. Во дворе стояла темная «Волга». За рулем сидел молчаливый водитель. Мы тронулись, и несколько минут в салоне не звучало ни слова. Я смотрел в окно на московские улицы. «Значит, он все-таки решил проверить меня сам.» Страх не было. За семьдесят лет первой жизни я видел министров, генералов, директоров заводов и людей, чьи фамилии никогда не попадали в газеты. Все они обладали одной общей чертой каждому было интересно понять, кто перед ним сидит. Деньги, власть и сила лишь меняли форму вопросов. Бритый нарушил молчание: Слушай, а ты вообще кто такой? Студент. Он усмехнулся. Не похож. Это почему? Потому что обычные студенты после разговора с такими людьми не улыбаются. Я отвернулся к окну. Значит, я необычный студент. Через полчаса машина остановилась. Бритый вышел первым и открыл мне дверь. Пошли. Только один совет. Какой? Не пытайся его удивить. Я усмехнулся. Поздно. Кажется, именно это я уже сделал. Мы поднялись по лестнице. Бритый постучал два раза и, не дожидаясь ответа, открыл дверь. Сергей, привез. Из глубины комнаты раздался спокойный голос: Пусть входит. А вы все выйдите. Дверь за моей спиной тихо закрылась. Мы остались вдвоем. Начинался разговор, ради которого меня и искали. Привет бросил он мне. И тебе привет ответил я сел напротив него у стола. Хотя в комнате было много стульев. Он наблюдал за мной а я рассматривал комнату. Надо убрать Фарику из чеченских сказал Сергей. Где и когда найти произнес я улыбаясь. Он прищурил глаза. Ему разговор явно не нравился. Но он ответил торговым комплексом «Южный порт». Если будут свидетели валить всех спросил я не переставая улыбаться. Сергей попытался скрыть свое удивление. Но глаза его выдали. Всех вали зло выбросил он. Я встал. Пусть отвезут меня домой произнес я не оборачиваясь. Конечно в любой операции должна быть подготовка. Но я решил проверить себя. Доехал на автобусе в указанное место. Через несколько дней я направился в торговый комплекс «Южный порт». Это было место, где пересекались самые разные люди. Кооператоры, челноки, водители, валютчики, предприниматели, спортсмены, посредники. Здесь заключались сделки, которые не оформлялись на бумаге, и знакомства, способные изменить судьбу. Мне предстояла встреча с людьми, которых в Москве уважали и побаивались. Многие из них приехали с Кавказа в поисках работы и возможностей, а вокруг наиболее влиятельных быстро складывались крепкие земляческие связи. Я приехал не выяснять отношения. Я приехал убивать. С возрастом понимаешь простую истину: любой конфликт обходится дороже любого разговора. Но смерть стирает все. На рынке кипела жизнь. Кто-то разгружал фуры, кто-то торговался за партию импортных курток, где-то грузчики катили тележки с коробками. Казалось, все заняты своим делом, но я чувствовал десятки внимательных взглядов. Здесь чеченов заметил сразу. Я спокойно двинулся, понимая, что первый экзамен уже сдал. В подобных местах больше всего ценили не громкие слова, а уверенность человека, который знает, зачем пришел. За спиной был рюкзак а на мне неброская одежда. Зайдя в помещение с вывеской администрация я увидел четверых здоровых чеченцев устрашающего вида. Спросил кого тут будет Фарик. По глазам определил нужную фигуру. Но это было уже частностью. Два ножа в моих руках превратились в пики. И четыре трупа упали на пол. Я обыскал их что с бою взято то свято и переодевшись. Натянул кепку и вышел. Автобус довез меня два квартала. Я не чувствовал сожаления и радости. Я просто выполнил заказ. И поехал получать расчет на такси. Сильвестр встретил меня настороженно. По глазам было

видно что ему сообщили. Тысячу рублей и тысячу долларов пока произнес я холодным голосом. В месяц спросил Сергей . Пока в неделю и торг здесь не уместен . Я подошел вплотную к нему. Он не испугался но у него под глазом дёрнулась. Я отошел и сел на стул. Он достал из стола деньги и отсчитал. Я забрал их и поехал домой.

Глава 13

Ну вот, деньги у меня появились. Теперь нужно было решать другой вопрос жилье. Общежитие меня больше не устраивало. Для обычного студента оно было вполне сносным, но для человека, который собирался строить свое дело, постоянно встречаться с людьми и хранить документы, оно совершенно не подходило. Мне нужна была квартира. Желательно недалеко от института. Я достал карту Москвы и начал мысленно перебирать районы. Ездить через весь город каждый день было бы пустой тратой времени. За свою первую жизнь я усвоил простое правило: время единственный ресурс, который невозможно заработать снова. Деньги можно потерять и вернуть. Здоровье частично восстановить. Даже репутацию иногда удастся отстроить заново. А вот потерянные часы исчезают навсегда. Поэтому я искал жилье не самое дешевое, а самое удобное. Небольшая двухкомнатная квартира была бы идеальным вариантом. Одна комната для жизни, вторая под рабочий кабинет. Я уже понимал, что очень скоро мне придется принимать людей, обсуждать проекты, хранить бумаги и вести расчеты. Делать все это в общежитии было просто смешно. Кроме того, мне хотелось хоть иногда побыть одному. Последние неделю я практически не оставался наедине с собой. Общая кухня, шумные соседи, музыка за стеной, постоянные разговоры. В двадцать лет это кажется естественным, но мой разум прожил семьдесят. Он давно привык к тишине. Я улыбнулся. Наверное, это был единственный признак старости, который переселился вместе со мной в новое тело. Мне нравились люди. Но каждый вечер мне была необходима хотя бы пара часов абсолютной тишины. Именно тогда рождались лучшие идеи. Я взял газету и начал обзванивать объявления. В конце восьмидесятых рынок жилья только начинал меняться. Что-то сдавали официально, о чем-то договаривались через знакомых, а многие вопросы по-прежнему решались за кухонным столом, без лишних бумаг. Я не спешил. Опыт подсказывал: хорошую квартиру выбирают не глазами. Ее выбирают головой. Ведь это место, где тебе предстоит не просто ночевать, а строить свое будущее. На следующий день после занятий я отправился смотреть первую квартиру. Хозяйкой оказалась пожилая интеллигентная женщина. Она долго рассматривала меня поверх очков. Студент? Да. Родители где? Далеко. Она понимающе кивнула. Квартира была чистой, но тесной. Окна выходили во двор, потолки низкие, мебель старая, еще шестидесятых годов. Главное же в ней было какое-то ощущение чужой жизни. Будто хозяева вышли на минуту и вот-вот вернуться. Я поблагодарил и отказался. Вторая квартира оказалась полной противоположностью. Просторная, после ремонта, но стоила неоправданно дорого. Хозяин сразу заговорил о деньгах. Оплата за полгода вперед. Почему? Время сейчас такое. Сегодня человек есть, завтра исчез. Я улыбнулся. Не люблю, когда разговор начинается с недоверия. Мы расстались без обид. Третью квартиру мне посоветовал один из преподавателей института. Есть знакомый профессор. Он с семьей уезжает в длительную командировку. Может, согласится сдать жилье порядочному человеку. Дом стоял в тихом переулке, всего в пятнадцати минутах ходьбы от института. Старый кирпичный дом. Высокие потолки. Большие окна. Во дворе росли липы, а под ними сидели пенсионеры, играя в домино. Едва переступив порог квартиры, я понял вот она. Никакой роскоши. Две комнаты, небольшой кабинет с книжными полками, кухня и балкон. Но здесь было тихо. Именно той тишины мне так не хватало. Профессор внимательно посмотрел на меня. Молодой человек, а зачем вам такая квартира одному? Я честно ответил: Мне нужно место, где можно спокойно думать и работать. Он улыбнулся. Необычный ответ. Большинство ваших ровесников спрашивают, далеко ли до метро и можно ли приглашать друзей. Друзья тоже будут. Но не каждый день. Мы долго разговаривали. Не о деньгах, а о книгах, институте, будущем страны. Наконец он поднялся. Знаете, я сдаю квартиру не тому, кто больше заплатит. Мне важно пони-

мать, кому я оставляю свой дом. Он протянул мне ключи. Думаю, вы будете хорошим хозяином. Я взял тяжелую связку ключей и почувствовал странное волнение. За свою первую жизнь я покупал квартиры, строил дома, подписывал многомиллионные контракты. Но именно сейчас, держа в руках ключи от небольшой московской квартиры, я вдруг ощутил себя по-настоящему молодым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.